

Е. Н. Великанова

INITIUM ПРИНЦЕПСА: ПОРЯДОК ПЕРЕДАЧИ ВЛАСТИ ПЕРВЫМ ПРЕЕМНИКАМ АВГУСТА

Укрепление принципата в качестве *status civitatis* (Tac. Ann. I. 4), т.е. государственной системы, предполагало наличие определенного порядка передачи власти принцепса. В историографии принципата эта проблема стала предметом отдельного рассмотрения, который предполагал выяснение двух основных вопросов: первый – кто наделял преемника властью, второй – какой властью он наделялся?

Т. Моммзен положил начало традиции, согласно которой главными участниками процесса наделения полномочиями принцепса считались войска и сенат. Комиции же, по мнению Т. Моммзена, не были причастны к введению в принципат, так как они не обладали необходимой компетенцией передавать военный империй. С правовой точки зрения акт о передаче империя мог основываться только на решении сената или на требовании солдат¹. По мнению А. Пабст, механизм наделения принцепса властью вырабатывался на основе республиканских традиций. Исследовательница указывает на два фактора, которые способствуют успешному вступлению во власть. Это наличие, с одной стороны, органа власти, который имел соответствующую компетенцию вручать *imregium*, с другой – общественного мнения, готового признать нового принцепса². Формула «SPQR» сохраняет свое значение, но степень участия *senatus* и *populus* в процессе вручения власти принцепса была различной³. По мнению А. Пабст, может быть признана точка зрения о том, что в этом процессе с «неформальной» стороны могли принять участие также и солдаты, которые являются «гражданами в зоне *militae*», и народ из *urbes provinciales* с гражданским римским правом⁴.

Дж. Шайд отмечает, что полномочия принцепсам предоставляли традиционным путем. «Теоретический сценарий» наделения властью включал следующие действия: сначала солдаты единодушно провозглашали будущего принцепса. Затем сенат одобрял их решение. Тогда же сенат предлагал созвать комиции для того, чтобы предоставить избранному власть⁵. Голосование в комициях – это один из важных этапов наделения властью принцепса. Власть предоставлял народ по предложению сената. Хотя эти выборы нельзя считать реальными выборами, никакой принцепс не мог править без формальной инвеституры⁶. Таким образом, утверждение в комициях рассматривается Дж. Шайдом как один из главных этапов предоставления власти принцепсу.

¹ *Mommsen Th. Romisches Staatsrecht. Bd 2. Aufl. 2. Lpz, 1875. S. 789.*

² *Pabst A. Comititia imperii. Ideelle Grundlagen des römischen Kaisertums. Darmstadt, 1997. S.154.*

³ *Ibid. S. 154.*

⁴ *Ibid.*

⁵ *Jacques F., Scheid J. Rome et l'intégration de l'Empire. T.1. Les structures de l'Empire main. P., 1996. P. 23.*

⁶ *Ibid. P. 23–25.*

В историографии принципата власть принцепса традиционно понимается как сочетание *imperium proconsulare* и *tribunicia potestas*⁷. Однако вопрос заключается в том, какой властью наделяют преемника, имевшего и *imperium* и *tribunicia potestas* в день вступления в принципат? Б. Левик высказала идею о том, что для Тиберия при принятии принципата не существовало *dies imperii*, так как полномочия Тиберия не истекали со смертью Августа, следовательно, 17 сентября 14 г. ему не был вручен империй⁸. Значение заседания 17 сентября состояло в том, что Тиберий был объявлен преемником Августа, т.е. ему был вручен принципат⁹.

Р. Сиджер отмечал, что полномочия принцепса основаны на *imperium maius*, который был действителен также в пределах Рима, и *tribunicia potestas*. Однако в Риме Тиберий предпочитал опираться на трибунскую власть. Исследователь также указывает на то, что со смертью Августа полномочия Тиберия не заканчивались и не было юридической необходимости их продлевать или подтверждать¹⁰. Р. Сиджер предложил свою трактовку вопроса о вручении власти принцепса. Вступая в принципат, Тиберий должен был принять римское государство под свою опеку. Но он не мог управлять императорскими провинциями, так как эта задача носила персональный характер и возлагалась лично на Августа. Со смертью Августа его *provincia* прекратила существование. Таким образом, консулы и сенат предлагали Тиберию не власть, а сферу деятельности, чтобы осуществлять уже имеющиеся у него полномочия¹¹.

Г. Кастрициус, напротив, назвал день вручения полномочий новому принцепсу «*dies imperii*»¹². 17 сентября на заседании сената Тиберию были переданы существенные права и полномочия (проконсульский империй и трибунская власть)¹³. Определение содержания власти принцепса как «императорского» империя («*kaiserlichen*» *imperium*) содержится в работе А. Пабст. Автор подчеркивает его отличие от магистратского империя, и в то же время указывает на общий источник происхождения власти¹⁴.

Таким образом, в историографии не сложилось единого взгляда на проблему передачи власти принцепса. Появление различных точек зрения как на процесс в целом, так и на его отдельные этапы, связано с неоднозначным восприятием событий античными авторами. В совокупности источники позволяют составить представление о порядке вручения преемнику власти принцепса. Но в письменной традиции есть и противоречивые данные. Например, о характере власти, который греческие и римские авторы понимали по-разному. Поэтому данная проблема по-прежнему остается дискуссионной и сохраняется в сфере исследовательского интереса.

Принимая во внимание значимость вопроса о наделении властью принцепса, обратимся к процессу наделения властью первых преемников Августа – Тиберию.

⁷ Обзор точек зрения по этой проблеме содержится в статье А.Б. Егорова (Закон о власти Веспасиана и полномочия принцепса // Проблемы античной государственности. Л., 1982).

⁸ *Levick B. Tiberius the Politician. L., 1976. P. 69.*

⁹ *Ibid. P. 79.*

¹⁰ *Seager R. Tiberius. California, 1972. P. 53.*

¹¹ *Ibid. P. 54.*

¹² *Castritius H. Der römische Prinzipat als Republik // Historische Studien. Matthiesen, 1982. Ht. 439. S. 54.*

¹³ *Ibid. S. 56, 58.*

¹⁴ *Pabst. Op. cit. S. 203.*

рия и Гая Калигулы, поскольку ими закладывался тот механизм наделения принцепса властью, который будет использован следующими правителями.

Процесс передачи власти Августа Тиберию: *initium Tiberii* (Тас. *Ann.* I. 16) являлся первой подобной практикой. Перипетии «переходного периода» 14 г. были обусловлены логикой событий предшествовавшего времени. Август, наделяя Тиберию властными полномочиями, тем самым создал основу для дальнейших действий¹⁵. Обстоятельства вручения власти Калигуле были иными. Гай являлся частным лицом, что и отличало переходный этап 37 г. от 14 г. В чем состояли особенности «*initium*», каковы были общие черты в практике получения высших полномочий, ставшие основой формировавшегося политико-правового механизма преемственности власти «первого лица» эпохи принципата? Что представляла собой процедура вручения власти? Этим вопросам и посвящена данная статья.

17 сентября 14 г.¹⁶ Тиберий был провозглашен принцепсом и преемником Августа (Тас. *Ann.* I. 13). Между днем смерти Августа (19 августа 14 г.) и днем официального признания Тиберия принцепсом прошло несколько недель. В течение этого времени была определена дальнейшая судьба римского государства. Считать этот период «правительственным вакуумом»¹⁷ неверно, так как во главе государства стояли консулы (Секст Помпей и Секст Аппулей¹⁸) и сенат, значение которого возрастает в политической жизни страны в эти дни.

Тацит, Светоний и Дион Кассий практически одинаково рассказывают о событиях, произошедших после 19 августа. Ключевым моментом стало принесение присяги на верность Тиберию консулами и префектами: *in verba Tiberii Caesaris iuravere* (Тас. *Ann.* I. 7). Из данного фрагмента «Анналов» следует, что присяга – *iusiurandum* – была им принята до официального провозглашения принцепсом. С формально-правовой точки зрения, такая клятва противоречит нормам *res publica*, поскольку консулы как высшие магистраты не должны были присягать каким-либо должностным лицам или лицам, наделенным должностными полномочиями. Тиберий на день смерти Августа обладал *tribunicia potestas* и *imperium proconsulare* (*aequum*)¹⁹. Но эти полномочия не могли стать основанием для присяги. Следовательно, существовала иная причина, по которой консулы – высшие должностные лица Рима – вынуждены были присягнуть Тиберию. В «Римской истории» Диона Кассия сохранилось указание на право контроля Тиберием военных сил, которые находились в Италии. Для осуществления такой возможности он использовал клятву, которую дали войска еще при Августе: τοὺς μὲν γὰρ ἐν τῇ Ἰταλίᾳ ὄντας τοῖς ὄρκοις τοῖς ὑπὸ τοῦ Αὐγούστου κατ' ἀσειχθεῖσι προκατέλαβεν ἐς (Dio. 57. 3. 2). В данном случае «ὄρκος» Диона Кассия – греческий аналог латинского «*iusiurandum*». Римляне придавали клятве особый смысл. Ее нарушение воспринималось как преступление перед обществом и богами²⁰. Подобное представление о присяге оставалось актуальным и в

¹⁵ Ibid. S. 154.

¹⁶ Kienast D. *Römische Kaisertabelle*. Darmstadt, 1990. S. 77.

¹⁷ *Castritius*. Op. cit. S. 55.

¹⁸ См. *Liebenam W.* *Fasti Consulares Imperii Romani von 30 v.Chr. bis 565 n.Chr.* Bonn, 1909. An. 14.

¹⁹ Иными словами, Тиберий обладал проконсульской властью равной *imperium proconsulare* Августа. См. Kienast D. *Der Regierungsantritt des Tiberius* // *Kleine Schriften*. Darmstadt, 1994. S. 414, 421.

²⁰ Различные аспекты, связанные с понятием «клятва» подробно исследовал Л.Л. Кофанов (Юридикo-религиозный характер римской *fides* в V–III вв. до н.э.: к интерпретации Полибия (VI. 56. 6–15) // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. 2002. № 2. С. 62–72).

эпоху Ранней империи. По-видимому, опираясь на нее, Тиберий «рассылал во все лагерь... указы»²¹ (Dio. 57. 2. 1), «дал пароль преторианским когортам» и «направил войскам послания, словно принял уже титул принцепса»²² (Tac. Ann. I. 7). Опора на клятву, принесенную еще Августу, фактически означала отсылку к его *auctoritas*, что было важно для укрепления власти Тиберия. В дальнейшем он запретил приносить присягу на верность своим делам²³, продолжая ссылаться на авторитет Августа.

В то же время Тацит говорит о приведении консулами к присяге префекта преторианских когорт. Как связана эта присяга с клятвой, которая упоминалась выше? Известно, что префект претория назначался принцепсом и был подотчетен ему. Следовательно, присяга должна была носить личный характер, и со смертью принцепса ее действие прекращалось. Г. Зибер объяснял это тем, что служащие формирующегося аппарата управления при принцепсе выполняли частнопровые поручения, поэтому со смертью принцепса их полномочия теряли силу, и следовало «увольнение» с должности. Однако фактически эти должностные лица могли сохранить свои посты при условии надлежащего руководства порученной сферой деятельности²⁴. До тех пор, пока новый принцепс не был официально утвержден, клятву верности приняли консулы. Но означает ли это возможность признать в тот момент за консулами право высшего военного командования (в том числе и преторианскими когортами)? Формально да. Но фактически консулы играли роль «посредников», данная присяга была адресована будущему принцепсу. Таким образом, Тиберию обеспечивалась поддержка военных подразделений, расположенных в Италии.

Какой день следует считать днем начала принципата Тиберия? Источники дают нам возможность ответа на этот вопрос. Но при этом их свидетельства не всегда совпадают, а сведения противоречивы. Тацит, Светоний, Дион Кассий подробно описывают начало правления Тиберия. В их изложении события выстраиваются следующим образом: прибытие Тиберия в Нолу и кончина Августа (19 августа). Однако Тацит сомневается в том, застал ли Тиберий Августа еще живым или нет (Ann. I. 5). Вслед за этим идет рассказ об убийстве Агриппы Постума. Рассказ Тацита совпадает с рассказом Светония (Suet. Tib. 21–22). По мнению Д. Кинаста, произошло это событие уже на следующий день, 20 августа²⁵. Только затем Тацит пишет о присяге на верность Тиберию. Первыми ее принесли консулы, префекты; «вслед за тем присягнули сенат, войска и народ» (I. 7). Светоний, лаконично излагая события, не упоминает о присяге, которая является первым шагом к получению власти принцепса, означая одобрение кандидатуры преемника, вступавшего в «должность». Тиберий издает в подчеркнутой официальной форме эдикт о созыве сената для определения почестей скончавшемуся Августу. Одновременно он дает пароль преторианским когортам и отправляет послания войскам (Tac. Ann. I. 7; Suet. Tib. 23–24). Следующий этап процедуры вручения власти проходил в сенате. Дебаты в сенате после смерти

²¹ Использован перевод «Римской истории» Диона Кассия, выполненный В.М. Строевским, М.С. Садовской, С.К. Сизовым, Л.В. Логиновой. См. Методическое пособие к семинарам по истории Древнего Рима: «Римская империя в I в. н.э.». Ч. 1. Горький, 1982.

²² Использован перевод «Анналов» А.С. Бобовича, ред. Я.М. Боровского. См. *Tacitum*. Сочинение в двух томах. Т. 1. Анналы. Малые произведения. СПб., 1993.

²³ Suet. Tib. 26. 2: *Intercessit et quo minus in acta sua iuraretur...* См. также Tac. Ann. I. 8.

²⁴ *Siber H. Römische Verfassungsrecht in geschichtlicher Entwicklung*. Baden, 1952. S. 331.

²⁵ *Kienast. Römische Kaisertabelle*. S. 75.

Августа (Тас. Ann. I. 7–14) стали одним из главных эпизодов. Светоний же ограничивается коротким рассказом об этом, который в целом совпадает с Тацитовым. На «первом» заседании обсуждались только те вопросы, которые касались «последней воли и похорон Августа» (I. 8). По мнению исследователей, оно могло иметь место в начале сентября²⁶. Именно тогда впервые было официально объявлено имя главного наследника Августа. Далее Тацит подробно рассказывает о погребении Августа. Оно состоялось в первой половине сентября 14 г. (9–10 числа)²⁷. «После того, как погребение было совершено с соблюдением всех полагающихся обрядов» (I. 10), прошло второе заседание сената (I. 11). На нем было принято решение об обожествлении Августа. Но этому решению сената предшествовало стихийное общественное обсуждение: стоит ли обожествлять умершего принцепса или нет (Тас. Ann. I. 9–10). Консекрация Августа стала важным решением для Тиберия. Он мог всегда сослаться на авторитет Августа. Тиберий теперь именовался «сыном божественного Августа». В надписях встречаются несколько вариантов указаний. Самыми распространенными были: «TI CAESAR. DIVI. AUG.»²⁸; «TI CAESAR. DIVI. AUG. F. AUGUST.»²⁹. Или «DIVUS. AUGUSTUS. PATER»³⁰. Официальная пропаганда делала особый акцент на звании «d. f.», которое стало неотъемлемой частью титулатуры принцепса, являясь основой его господства³¹. Аналогичные упоминания мы встречаем и в надписях, относящихся ко времени правления Гая. В них он именуется себя: «правнук божественного Августа» (C. CAESAR. DIVI. AUG. PRON. AUG.³²). Х. Геше, подчеркивала ряд преимуществ для наследника, которые происходили из императорской дивинизации³³. Во-первых, титул «divi filius»³⁴ мог носить только единственный человек, который, таким образом, признавался наследником принцепса. Во-вторых, «d. f.» означал отношения преемственности между прежним и новым принцепсами. В-третьих, «d. f.» давал возможность отстаивать собственную точку зрения независимо от мнения сената. Кандидатура нового принцепса, в титулатуре которого имелось ссыла на «divi filius», быстрее получала общее признание³⁵. Тогда же Тиберию были вручены властные полномочия, аналогичные тем, которые были даны его предшественнику.

Обращаясь к событиям «междоцарствия» (выражение Э. Корнеманна³⁶), исследователи уделяют особое внимание речи Тиберия «о величии империи, о том, как недостаточны его силы» (Тас. Ann. I. 11). Она получила различные оценки в исследовательской литературе. Как заметил Д. Кинаст, цель этой речи до конца не ясна. Вероятно, она была произнесена для того, чтобы подготовить

²⁶ Kornemann E. Tiberius. Stuttgart, 1960. S. 63; Levick. Op. cit. P. 70.

²⁷ Kienast, Römische Kaisertabelle. S. 65; см. Castritius. Op. cit. S. 58. Anm. 47; Levick. Op. cit. P. 70.

²⁸ См. Фролова Н.А., Абрамзон М.Г. Римские монеты в собрании Государственного Исторического музея. Каталог. В двух частях. М., 2001. Ч. 2. Ранняя империя от Августа до Коммода. С. 20. № 3–6.

²⁹ См. Там же. С. 20. № 9; С. 21. № 21; С. 22. № 27.

³⁰ Там же. С. 22–23. № 34–62.

³¹ Gesche H. Die Divinisierung der römischen Kaiser in ihrer Funktion als Herrschaftslegitimation // Chiron. 1978. Bd 8. S. 379–380.

³² См. Фролова, Абрамзон. Ук. соч. С. 27. № 11; Smallwood E.V. Documents Illustrating the Principates of Gaius, Claudius and Nero. Cambr., 1967. P. 29. № 35.

³³ Gesche. Op. cit. S. 383.

³⁴ А в случае с Гаем «PRON. AUG».

³⁵ Gesche. Op. cit. S. 384.

³⁶ Kornemann. Op. cit. S. 63.

сенаторов к восприятию предложения принцепса о переносе проконсульского империя на Германика³⁷. Возможно, речь действительно шла о создании комиссии из 20 сенаторов для участия в управлении государством³⁸. По мнению Д. Тимпе, отказ Тиберия объясняется и тем, что пока еще не существовало «формулы» передачи принципата³⁹. А.Б. Егоров высказал точку зрения, согласно которой «в двусмысленном поведении принцепса выражалось не столько его личное лицемерие, сколько дуализм системы и собственное сложное положение»⁴⁰. И.П. Портнягина предложила рассматривать эти события как попытку со стороны Тиберия следовать «сценарию, разработанному Августом» в 27 г. до н.э.⁴¹

Заметим, что в 14 г. римское государство впервые в своей истории передавало верховную власть от одного принцепса к другому. Прежде римляне не имели подобного опыта провозглашения и наделения властью, сам механизм был сложным и выглядел неоднозначно. Тиберий стремился найти решение, которое должно было соответствовать идее достижения компромисса между ним и сенатом. О том, что такой поиск был для Тиберия делом непростым, говорит факт обращения его к друзьям (Suet. Tib. 24). Тема второго заседания сената стала предметом обсуждения в кругу amici (Suet. Tib. 24). Согласно Светонию, Тиберий принял власть в конце второго заседания (Tib. 24). Исследователи практически единодушно называют 17 сентября в качестве даты этого заседания⁴². Основанием для такого вывода послужило упоминание Тацитом одновременного принятия (на одном заседании) этих двух важнейших решений. Дата же консекрации Августа известна по эпиграфическим источникам⁴³.

Однако в историографии встречаются и другие мнения. А. Лэнг, например, высказал предположение, согласно которому состоялось три сессии сената. На первой обсуждали меры, связанные с похоронами Августа; в период второй было принято решение об обожествлении Августа; благодаря третьей Тиберий получил власть. И состоялась она в самом конце сентября или в начале октября⁴⁴. На первую декаду октября указывал в своем исследовании и Ф. Клингнер⁴⁵. Эти авторы подкрепляли свои выводы сообщением Иосифа Флавия. В «Иудейских древностях» говорится о том, что Тиберий пробыл императором двадцать два года пять месяцев и три дня (XVIII. 6. 10). Таким образом, начало принципата Тиберия должно было прийтись на 13 октября 14 г., т.е. на тот период, когда к присяге на верность новому принцепсу были приведены восставшие легионы в Германии и Паннонии. Однако более обоснованной является дата 17 сентября⁴⁶, после которой положение Тиберия стало легитимным. Имея империй, он был провозглашен принцепсом, и началась эпоха нового принципата. Таким обра-

³⁷ Kienast. Der Regierungsantritt des Tiberius. S. 417.

³⁸ Ibid. S. 417.

³⁹ Timpe D. Untersuchungen zur Kontinuität der früher Prinzipats. Wiesbaden, 1962. S. 49, 50.

⁴⁰ Егоров А.Б. Рим на грани эпох. Л., 1985. С. 133.

⁴¹ Портнягина И.П. Проблема континуитета власти принцепса в раннем принципате // <http://www.centant.pu.ru/centrum/publik/confcent/2001-2003/portniag.htm>. 23.04.05.

⁴² Kornemann. Op. cit. S. 63; Castritius. Op. cit. S. 55; Smith Ch.E. Tiberius and the Roman Empire. Louisiana, 1942. P. 21, 23; Kienast. Der Regierungsantritt des Tiberius. S. 417; Timpe. Op. cit. S. 50, 51.

⁴³ CIL. VI. 32493. P. 3315.

⁴⁴ См. Smith. Op. cit. P. 24. Not. 48.

⁴⁵ Klingner F. Tacitus über Augustus und Tiberius // Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften zu München. München, 1953. № 7. S. 5.

⁴⁶ В данном случае мы можем обратиться к аргументам в пользу этой даты, приведенным в исследовании Б. Левик (Op. cit. P. 72-74).

зом, наличие в комплексе властных полномочий Тиберия двух титулов – «принцепс» и «император» – указывало на двойственное происхождение власти правителя в Риме. А. Пабст определила этот дуализм как «imperiumskomponente» и «principatskomponente»⁴⁷.

Тацит пишет, что после долгих раздумий Тиберий согласился принять «imperium» (Тас. Ann. I. 13), т.е. речь идет о предоставлении Тиберию власти для управления государством. Эти сведения подтверждаются сообщением Диона Кассия о том, что власть Тиберия продлевалась дважды. Он пишет (57. 24. 1): θοντων δε των δεκα ετων της αρχης αυτου ψηφισματος μεν ες την αναληψιν αυτης ουδενος εδεηθη (ουδε γαρ εδειτο κατατεμων αυτην, ωσπερ ο Αυγουστος, αρχειν), η μεντοι πανηγουρις η δεκαετηρις ελοιηθη – «Когда же прошло десять лет его власти, он не стал испрашивать постановления о возобновлении ее, поскольку не желал приобретать ее, как Август, по частям; однако десятилетнее празднество все же справил»⁴⁸). Речь идет о 24 г. Второй раз это произошло в консульство Луция Вителлия и Фабия Персика (Dio. 58. 24.1): «После этого, когда наступил двадцатый год его правления, Тиберий, хотя и проводил время в Альбанской и Тускуланской округе, однако в город не явился, консулы же Луций Вителлий и Фабий Персик отпраздновали второе десятилетие его принципата. Ибо называли его так, а не «двадцатилетием», как будто, давая ему власть, так, как это делали с Августом»⁴⁹. Это 34-й год⁵⁰. Таким образом, с формально-правовой точки зрения, власть Тиберия не была пожизненной. Принимая во внимание оговорку Диона Кассия о «праздновании второго десятилетия», мы можем полагать, что власть не продлевалась, а предоставлялась принцепсу вновь. Как следует из приведенных отрывков, сам Тиберий не придавал этому событию большого значения, не торопясь вернуться в Рим. Специальным сенатским постановлением в 34 г. ему «заочно» вручают власть. Второй (в 24 г.) и третий (в 34 г.) «дни» наделения полномочиями принцепса, хотя и имели публичное значение, но носили уже сугубо формальный характер.

Тиберий скончался «в семнадцатый день до апрельских календ», т.е. 16 марта 37 г. на Мизенской вилле (Suet. Tib. 72; Тас. Ann. VI. 50), принадлежавшей некогда Лукуллу (Phedr. II. 5). Известие об этом лаконично уточняется в календаре с записями важнейших событий⁵¹: XVII K. Apr. Ti. Caesar Miseni | excessit. III K. Apr. corpus | in urbe prelatum per milit. || III Non. Apr. f(unere) p(ublico) e(latutus) e(st) – «В семнадцатый день перед апрельскими календами (16 марта)⁵² Тиберий Цезарь скончался в Мизенах. В четвертый день перед апрельскими календами (29 марта) тело доставлено в город (в Рим) военными. В третий день перед апрельскими нонами (4 апреля) состоялись публичные торжественные похороны». Относительно даты вручения Калигуле власти источники дают противоречивые сведения. Светоний рассказывает о том, что Гаю, сопровождавшему тело Тиберия в Рим, при вступлении в Город «тотчас была поручена высшая и полная власть по единогласному приговору сената» (Cal. 13–14). Сопоставляя сообщение античного историка и данные вышеприведенной надписи, мы можем сде-

⁴⁷ Pabst. Op. cit. S. 154.

⁴⁸ Перевод выполнен В.М. Строгоцким, М.С. Садовской, С.К. Сизовым. См. Методические указания к семинарам по истории древнего Рима. Ч. III. Горький, 1984.

⁴⁹ Перевод В.М. Строгоцкого, М.С. Садовской, С.К. Сизова, Н.А. Касаткиной, А.Б. Егорова. См. Методические указания. Ч. V. Горький, 1987.

⁵⁰ Ehrenberg, Jones. Op. cit. P. 43.

⁵¹ Использована публикация в кн.: Smallwood. Op. cit. P. 28. № 31.

⁵² Kienast. Römische Kaisertabelle. S. 78.

лать вывод о том, что Калигула стал принцем 29 марта. Но в нашем распоряжении есть еще одна дата, которая не согласуется с приведенной выше. Она сохранилась в записи протокола жреческой коллегии арвальских братьев от 39 года⁵³: A.d. XV K. Apriles | L. Salvius Otho flamen et pro magistro collegii | fratrum Arvalium nomine quod hoc die C. Caesar Augustus Germanicus ab senatu imperator appellatus est, in Capitolio Iovi bovem Iunoni vaccam || Minervae vaccam immolavit – «В 15 день до апрельских календ фламин и промагистр Л. Сальвий Отон от имени коллегии арвальских братьев, в тот день, когда Гай Цезарь Август Германик был провозглашен сенатом императором, на Капитолии принес в жертву быка Юпитеру, корову – Юноне, корову – Минерве». В протоколе упомянут день жертвоприношений – 18 марта. В этот день Гай Калигула был провозглашен императором. Фактически 18 марта стало точкой отсчета лет нового правления.

Какими событиями был наполнен данный *initium*? Как Калигула смог достичь власти? Известно, что Гай на момент смерти Тиберия считался частным человеком. Он не обладал теми полномочиями, которые были в руках Тиберия как будущего наследника. В результате у него не было необходимой компетенции, чтобы издать эдикт и созвать сенат на заседание. Его положение относительно сената было непростым⁵⁴. В тот момент сенаторам была не известна последняя воля Тиберия⁵⁵. Если завещание Августа хранилось у весталок и было ими предоставлено в сенат (Suet. Aug. 101), то завещание Тиберия, как следует из текста источника, было составлено и хранилось не в Риме, а, по-видимому, в кампанском поместье⁵⁶. Дион Кассий пишет, что в столицу оно было доставлено Макроном (59. 1. 2). Узнать его содержание сразу после кончины принцепса сенаторы не могли. Калигула воспользовался возникшим промедлением. Прежде чем завещание попало в Рим, прошло несколько дней, в течение которых случились важные для дальнейшей судьбы Гая события. Макрон выступил в качестве доверенного лица Калигулы. Но будучи частным лицом, Гай не мог отдавать распоряжения префекту претория. Чтобы преодолеть возникшую неопределенность статуса Калигулы, префект претория инициирует провозглашение его императором на воинской сходке – *contio militaris*. Армия, таким образом, «фактически узурпирует властные полномочия, и в традиционную формулу SPQR внедряется третий неофициальный элемент»⁵⁷. По мнению Д. Тимпе, Гай был провозглашен императором преторианцами в Мизене; императорский титул достался ему через клятву⁵⁸. Таким образом, отношения между присутствующими солдатами и «желанным» для них полководцем были определены⁵⁹. Но Гай, имея титул «*imperator*», не обладал *imperium*. Главный вопрос данного «переходного периода»: как скоро Калигула получил империй? В эпоху поздней Республики, титул «*imperator*» был непосредственно связан с наличием власти «*imperium*»⁶⁰, т.е. «император» рассматривался как производное от «империя».

⁵³ Отдельные Acta fratrum arvalium приведены в издании: Smallwood. Op. cit. P. 13. № 8.

⁵⁴ Timpe. Op. cit. S. 68.

⁵⁵ Pabst. Op. cit. S. 156.

⁵⁶ Тацит пишет о том, что незадолго до своей смерти Тиберий поселился у Мизенского мыса в Кампании (Tac. Ann. IV. 50).

⁵⁷ Махлаюк А.В. Воинская сходка (*contio*) в жизни римской армии и политическом механизме Римской империи // Власть, человек, общество в античном мире. М., 1997. С. 134.

⁵⁸ Timpe. Op. cit. S. 64, 65.

⁵⁹ Pabst. Op. cit. S. 156.

⁶⁰ Rosenberg A. Imperium // RE. Bd IX. 2. Stuttgart, 1968. Sp. 1209.

С правовой точки зрения сложившаяся ситуация являлась нестандартной, поскольку сначала Гай был провозглашен «императором», только затем ему вручили «империй». Иными словами, огромную роль играла армия, которую с императором связывали «патронатно-клиентские отношения», носившие персональный характер⁶¹. Возникает другой вопрос: как определить статус Калигулы в тот период времени, когда он был провозглашен императором, но не был наделен империем? А.Б. Егоров предположил, что Гай являлся «частным лицом без каких-либо полномочий»⁶². Но данные источников не позволяют полностью согласиться с этим мнением авторитетного специалиста. Мы предполагаем, что Калигула все-таки не являлся к началу сенатского заседания частным лицом. Он был таковым на момент смерти Тиберия, но затем его положение изменилось. В римской правовой традиции *privatus* противопоставлен *magistratus*. Однако обладая высшей должностной властью, принцепсы и их преемники могли не занимать магистратуру. После провозглашения императором Гай уже не являлся частным лицом. При этом его статус не был до конца определен, оставаясь «полуофициальным». Таким образом, мы имеем возможность предположить, что сенат наделил Калигулу *imperium* еще до его прибытия в Рим. По мнению А. Пабст, Калигула получил известие об этом в ответном письме сенаторов⁶³. Сенат воспринял эти события как уже свершившийся факт, поэтому поспешил согласиться с признанием нового императора. Этот день в буквальном смысле слова считается для него *dies imperii*. Фактически Гай стал правителем. Именно поэтому, на наш взгляд, в протоколах арвальских братьев стоит число 18 марта. Эта дата считалась торжественным днем, когда жрец *collegii fratrum Arvalium* совершал дополнительные жертвоприношения⁶⁴. Отметим, что Гай в 38 г. сам исполнял обязанности магистра коллегии арвальских братьев⁶⁵, а непосредственно коллегия *fratrum Arvalium* «была тесно связана с императорским культом»⁶⁶. Таким образом, Гай Калигула, так же, как и Тиберий, перед решающим заседанием сената обладал проконсульской властью. Подтверждением этому могут служить слова Светония (Cal. 13. 1): «*Sic imperium adeptus*» – «Так он достиг империя»⁶⁷. К тому же как претендент на «власть» принцепса, он получил одобрение со стороны народа (Suet. Cal. 14).

⁶¹ Махлаюк А.В. Войсковая клиентела в позднереспубликанском и раннеимператорском Риме // ВДИ. 2005. № 3. С. 55.

⁶² Егоров А.Б. Закон о власти Веспасиана и полномочия принцепса // Проблемы античной государственности. Л., 1982. С. 155.

⁶³ Pabst. Op. cit. S. 155–156.

⁶⁴ Здесь следовало бы остановиться и сделать еще одно небольшое замечание: если не 18 марта, как видно из протоколов, Гай стал фактическим правителем, то почему именно в связи с присвоением титула «император» арвальские жрецы отмечают этот день? Ведь Калигуле позднее был присвоен титул «Август», «отец отечества», и только в конце марта он официально получил полный объем властных полномочий своих предшественников. Все-таки с большой долей вероятности можно говорить о том, что звание «*imperator*» в данном случае не просто абстрактный титул, а подразумевающий носителя империя, даже если сенат при этом «спешил не отстать» от решения воинов-преторианцев, вручая вслед за аккламацией *imperium*.

⁶⁵ Smallwood. Op. cit. P. 9. № 1.

⁶⁶ Сморгчов А.М. Коллегия арвальских братьев // Жреческие коллегии в Раннем Риме. М., 2001. С. 224.

⁶⁷ Светоний рассказывает о приходе Гая к власти в главах 12. 2–14. Повествуя об этих событиях, он придерживается хронологического принципа, значит, мы можем считать, что наделением империем произошло еще до того, как ему были вручены остальные полномочия.

Но важно было узаконить приход Гая к власти⁶⁸, уладить формальную сторону дела: огласить завещание, официально объявить преемника и вручить ему властные полномочия, что и было сделано по прибытии траурной процессии в Рим, на заседании сената 29 марта. Если в 14 г. (в промежуток с 19 августа по 17 сентября) состоялось два заседания, то в 37 г. все вопросы были включены в одну повестку дня (29 марта) и сразу было принято решение о передаче Гаю «высшей и полной власти по единогласному приговору сената и ворвавшейся в курию толпы» (Cal. 14. 1: *ius arbitriumque omnium rerum illi permissum*). Только 4 апреля состоялось погребение Тиберия в Мавзолее Августа⁶⁹. Античные авторы отмечают быстроту, с которой Гай получил весь комплекс полномочий своего предшественника и титулы, которыми был наделен Август (Dio. 59. 3. 1–2). Хотя они и не указывают на издание *Lex de imperio* в отношении Гая, косвенные данные все-таки свидетельствуют об этом. Дион Кассий мельком отмечает, что на сенатском заседании «присутствовали всадники и кое-кто из народа» (59. 6. 1): «В том году, когда скончался Тиберий и Гай унаследовал его власть, он вначале высказал немало лестных слов сенаторам, причем на этом заседании присутствовали также всадники и кое-кто из народа» (*ἐν μὲν οὖν τῷ εἶπει ἐν ᾧ ὁ τε Τιβέριος ἐτελεύτησε καὶ αὐτὸς ἐς τὴν ἡγερὸν οὐκ ἄντικατέστη, πρῶτον μὲν τοὺς βουλευτάς, παρόντων ἐν τῷ συνεδρίῳ καὶ ἰππέων τοῦ τε δήμου τινῶν*)⁷⁰. Задача «представителей» народа сводилась к утверждению решения о предоставлении империя Калигуле. Своим присутствием они придавали сенатскому постановлению характер закона. Таким способом достигалась легитимность нового принцепса.

Сравнивая способ достижения власти Тиберием и Калигулой, отметим некоторые различия. Ни Тацит, ни Светоний, ни Дион Кассий в отношении Тиберия не упоминают об участии *populus*. В случае с Гаем и Дион Кассий, и Светоний отмечают присутствие народа. Этот факт объясняется различным правовым положением Тиберия и Калигулы на момент вручения принципата. Тиберий уже имел магистратскую власть, а Калигуле ее необходимо было получить. Если в отношении Тиберия мы имеем «сокращенный вариант» узаконения его властного положения, то Калигулы – «развернутый», при котором требовалось пройти все этапы «инвеституры».

Империй как высшая должностная власть предоставлялся куриатным законом. Но уже в конце Республики куриатный закон являл собой «формальный акт, который, осуществлялся в присутствии тридцати куриатных ликторов, представлявших тридцать курий, и трех авгуров»⁷¹. Таким путем достигалась видимость участия комиций в избрании должностных лиц (Cic. Leg. Agr. II. 31). Возможно, именно по этой причине античные авторы не упоминают об этом законе, так как в действительности решение о наделении властью принималось в

⁶⁸ Рассматривая процесс оформления власти принцепса, хотелось бы привести комментарий Д. Тимпе, который очень точно подметил: «Фактический правитель – император. Предоставление государственно-правовой власти и полномочий, которые легли в основу августова принципата, были юридической оболочкой, узаконением этого революционного положения вещей» (Timpe. Op. cit. S. 37).

⁶⁹ Kienast. Romische Kaisertabelle. S. 78, 85.

⁷⁰ Использован перевод, выполненный Н.А. Касаткиной, А.В. Махлаюком, Е.А. Молевым, С.К. Сизовым. См. публикацию 59-й книги «Римской истории» Диона Кассия в: Из истории античного общества. Вып. 6. Нижний Новгород, 1999.

⁷¹ Сморгачев А.М. Куриатный закон об империи и ауспиции магистратов // IVS ANTIQVVM. Древнее право. М., 2003. № 1. С. 26.

сенате. Сфера компетенции власти принцепса распространялась на Рим и Италию, провинции и армию (Dio. 57. 2. 5). Иными словами, принцепс обладал полномочиями в Риме подобно магистрату, в провинциях – промагистрату. Imperium принцепса, таким образом, включал в себя военные и гражданские полномочия, на основании которых он действовал внутри померия и за его пределами.

Представления о власти принцепса дает известный Lex de imperio Vespasiani. Этот закон был принят в 69 (70) г.⁷² Он представляет собой сенатусконсульт⁷³, хотя и носит название «Lex», что связано с утратой комициями политического значения в жизни римского государства. Согласно Закону о власти, imperium принцепса давал ему две главные возможности: во-первых, оказывать влияние на принятие решений и добиваться необходимых сенатских постановлений; во-вторых, представлять римское государство в международных делах. Остальные полномочия, которыми вслед за Августом обладали как Тиберий, так и Калигула происходили из права действовать на благо государства, которое подразумевало и задачу cura et tutela. Одним из оснований власти принцепса лежал imperium proconsulare. Ни Тацит, ни Светоний, ни Дион Кассий не сообщают о наделении Тиберия отдельно проконсульским империем. Возможно, это связано с тем, что Тиберий уже имел проконсульский империй на 10 лет. Если Тиберий к моменту вступления в принципат уже имел проконсульский империй, то какая власть была вручена ему 17 сентября 14 г. ? Власть, переданную Тиберию повторно, Дион Кассий определил «ἀρχή» (57. 24. 1). О власти принцепса также дает представление LEX QUAE DICITUR DE IMPERIO VESPASIANI. Не останавливаясь на содержании самого Закона, обратим внимание на последние части глав, которые содержат ссылку на Августа и Тиберия: «divo Augusto, | Ti. Iulio Caesari Augusto», т.е. они были наделены теми полномочиями, о которых идет речь в строках Lex. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что Тиберий в 14 г. получил не imperium, а дополнительные полномочия, которые качественно изменили империй. В сумме они составили власть принцепса. Из этого следует, что уже к 25 г. укрепляются представления о власти принцепса как о едином целом, все властные полномочия объединены в комплекс, что подтверждается словами античного автора о нежелании Тиберия получать власть по частям.

Поскольку прежде Калигула не был наделен imperium, то, для того чтобы предоставить ему власть, потребовался Lex de imperio, который должен быть издан в 37 г.⁷⁴ Находясь у власти (т.е. пройдя все этапы вручения власти), Калигула разрешил приносить клятву на верность собственным делам (Dio. 59. 3. 4). Предпосылкой такого решения стал оказанный ему «кредит доверия» со стороны народа, сената и армии. Гай, ни чем не прославившийся до этого момента, приходился сыном Германику, и этого было достаточно, по словам Светония, чтобы на него были возложены «лучшие надежды римского народа» (Cal. 13. 1).

Таким образом, в основе порядка передачи власти принцепса лежали республиканские публично-правовые конструкции. Судьбу преемника во власти принцепса определяли три политические силы: войска (как часть гражданского кол-

⁷² Текст LEX QUAE DICITUR DE IMPERIO VESPASIANI содержится в издании: FONTES IURIS ROMANI ANTEJUSTINIANI / Ed. S. Riccobono, C. Ferrini, J. Baviera. Florentia, MCMVIII (1909).

⁷³ Егоров А.Б. Правление Веспасиана и Тита // Проблемы античной государственности. СПб., 2003. С. 289; Sandys J.E. Latin Epigraphy. An Introduction to the Study of Latin Inscriptions. Groningen, 1969. P. 280.

⁷⁴ Ранее к такому выводу пришли А.Б. Егоров и другие исследователи (Егоров. Закон о власти Веспасиана... С. 155).

лектива), сенат и комиции, степень участия которых в этом процессе была различна. Комиции формально голосовали за решение, предложенное сенатом и армией, которой принадлежала определяющая роль. При первых Юлиях–Клавдиях избрание на «должность» принцепса сопровождалось обсуждением кандидатуры преемника, как это было в случае с Тиберием, что напоминало выборы магистратов. Претендент на власть принцепса должен был получить одобрение в трех «инстанциях» в виде присяги (в легионах и преторианских когортах), в виде рекомендации (в сенате) и в принятии Закона о власти (комициями). С формальной точки зрения самый важный институционный элемент – это закон. *Iusiurandum* не обладал тем публично-правовым значением, которое заключалось в *Lex*. Важную роль играли также факт родственных отношений с предшествовавшим правителем, который после смерти мог быть обожествлен, и завещание принцепса, где указывалось имя преемника. В рамках прежнего механизма вручения власти произошло перераспределение функций. Роль одних органов власти становилась второстепенной. Позиции других властных институтов укрепились. Эти изменения создавали специфику принципата как государственно-правовой системы.

INITIUM PRINCIPIS: THE PROCEDURE OF HANDING OVER THE AUTHORITY TO THE FIRST SUCCESSORS OF AUGUSTUS

Ye. N. Velikanova

The author examines the procedure of investing first successors of Augustus with princeps' authority by the examples of Tiberius and Gaius Caligula. Scholars do not seem to have come to a universally accepted view of the mechanism; variance of their opinions of the process and its stages corresponds to the lack of univocacy in ancient sources. Synthesising the data of the sources, a scholar has to explain away the contradictions between them.

The questions to be answered are as follows. What were specific features of both princeps' «initium» and common elements of the power they received, the elements which laid the foundation of the political and legal mechanism of handing down personal authority under the new regime? What was the procedure of handing it down?

Analysing Tacitus' and Dio Cassius' accounts and other relevant documents, the author makes the following conclusions. *Initium Tiberii* (*Tac. Ann.* I. 16) was the first case of the practice. The troubles of the «transition period» (in 14 AD) were caused by the preceding events. In Caligula's case the circumstances were quite different, since Gaius was a private person. The procedure of handing over the princeps' authority was based upon republican public law constructions. Successor's fate was determined by three political forces: the army (as part of the civil community), the senate and the comitia, but the degree of their participation in the process was different. Comitia voted only formally for the decision proposed by the senate. The army's role was decisive. The senate acquired greater importance during the *initium*, because the senators took official decision about the transition of authority to the new princeps. In the earlier period of the Julio-Claudian dynasty during the election of princeps the candidate was discussed, as was the case with Tiberius, and this made the procedure very much like election of a magistrate. The candidate had to get approval of three «instances» in the form of military oath (in the legions and praetorian cohorts), recommendation (in the senate) and adopting of *lex de imperio* (at the comitia). Formally, the *lex* had the greatest importance, but in fact it was the army (who took the oath) that had decisive force. But *iusiurandum* did not have the same importance in public law system as *lex*. Of some importance were also family relations between the successor and the predecessor (for the latter could be deified after his death) and the princeps' testament indicating the successor. Within the framework of the old mechanism of handing over authority, functions of various institutions changed or were redistributed. These changes formed the specific features of principate from the point of view of public law system.